

В. А. Малахов¹ПАТРИОТИЗМ КАК ВОЛЯ К МИРУ:
К СОВРЕМЕННОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ ТЕРМИНА

Слово «патриотизм» сегодня звучит воинственно. При его звуке невольно представляешь себе хмурых парней в камуфляже на каком-нибудь степном блокпосте или, на худой конец, орущую фанатку, раскрасившую лицо в цвета национального флага. Чем воинственнее, тем патриотичнее, чем патриотичнее, тем воинственнее — с этой угрюмой максимой нашего времени, по-видимому, все уже свыклись.

Что ж, времена, как говорится, не выбирают — в них порой и умирают. Однако это не значит, что мы непременно должны состоять у своего времени на побегушках. Как учил еще апостол Павел: «Не сообразуйтесь с веком сим» (Римл. 12: 2). Одной из основных характеристик гуманитарной мысли выступает ее способность к сопротивлению, в первую очередь — сопротивлению собственному времени, «веку сему». Можно предположить, что именно эта способность и делает ее по-настоящему современной².

В соответствии с приведенными соображениями целью данного доклада является попытка философской реконструкции позитивного, созидательного смысла термина «патриотизм» — смысла, убедительно представленного в творчестве Д. С. Лихачева и в наши дни приобретающего отчетливое полемическое звучание. Смысл этот яснее проступит для нас в контексте разграничения патриотизма и национализма; кстати, чрезмерное сближение упомянутых понятий также можно считать одной из характерных черт современности.

Бесспорно, общего между патриотизмом и национализмом отыщется немало — не меньше, чем между нацией и отчизной. Тем не менее важны оттенки, порой именно они решают дело. Сдвиг от нации к отчизне, от рода (*natio*) к родине, по существу, есть нечто совсем иное, чем переход-стежок в рамках единой недоброй памяти доктрины между *Blut* и *Bode*, «кровью» и «почвой». Связь по рождению и происхождению («кровь») и связь по необходимому способу поддержания жизни («почва») едины в том, что обе, во-первых, имеют эмпирически-локальный характер и, во-вторых, захватывают человека независимо от его сознания и воли. Соответственно национализм (напомню: *natio* — род; Нация — это еще и богиня рождения у древних римлян) и националистическая ревность к родной земле, поскольку они воспроизводят упомянутый тип человеческих связей уже на уровне определенных ценностных предпочтений, неизбежно таят в себе опасность, во-первых, принципиального размежевания различных человеческих общностей, во-вторых — явного или завуалированного пренебре-

жения к рефлексии, духовности и свободному самоопределению личности.

Во многих странах, в том числе и на Украине, существует сильное стремление доказать, что современный («конституционный», «демократический») национализм ничем подобным не обременен и вообще формируется на иной основе. Однако практика имплементации националистической идеологии в реальной жизни людей показывает, что национализм без национальной обособленности и без заигрывания с «кровью» и «почвой» — вещь невозможная. Языковая политика (а язык, согласно Хайдеггеру, есть дом бытия), конструирование национального мифа и его внедрение в сознание граждан, соответствующая перестройка в области образования и воспитания — во всех этих сферах, жизненно важных для государства, ориентированного на современный «цивилизованный» национализм, без прямых или косвенных апелляций к «кровно-почвенному» фактору так или иначе не обойтись. Повторяю, проблема, которая предстает перед нами, есть по сути проблема практическая, и практика, например современной украинской жизни вполне убедительно, на мой взгляд, демонстрирует неизбежность упомянутых апелляций.

В любом случае понятие «нация» (соответственно и «национализм») в современном употреблении оказывается чрезвычайно эффективным именно в силу его двусмысленности: приобретает легитимность на высоком уровне конституционно-политического дискурса, оно затем, в другой своей ипостаси, обосновывает право на существование таких реалий, которым в современном мире вовсе, казалось бы, уже не место — вплоть до этнических фильтров и т. п.

Что же касается понятия «родина», «отчизна», то оно лишь на первый взгляд отсылает нас к тому же кругу представлений о «роде» и родовой исключительности. Если «нация» — та протяженность бытия, в которой рождаются (а вместе с тем, хотя бы отчасти, и для которой), то «родина» — место, откуда рождаются; уже согласно этому изначальному смыслу понятие родины не несет в себе того оттенка замкнутости, обособления, который, как ни старайся, невозможно вытравить из понятия «нация». Общую родину могут иметь представители самых различных наций и культур: киевляне Н. Бердяев, М. Булгаков, М. Рильский, В. Горовиц, Р. Глиэр, И. Эренбург — люди разной национальной принадлежности, тем не менее родина у них одна. Чувство родины единит, не разъединяя.

Если размышления о нации и национальной принадлежности, как нетрудно убедиться, невольно влекут человеческое внимание *вниз*, к происхождению и корням, то чувство родины ориентирует принципиально иначе. Родина — не столько почва под ногами, сколько произрастающие на ней леса, поля и сады, и окружающие ландшафты, и небо над головой. И в более «внутреннем», идеальном смысле понятие родины приобщает нас к своеобразной «онтологии сверху», прививает способность различать и ценить высшие аспекты человеческого

¹ Главный научный сотрудник Отдела философии культуры, этики и эстетики Института философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины (Киев), доктор философских наук, профессор. Автор книг: «Культура и человеческая целостность», «Стыд (Философско-этический очерк)», «Наука расставанья...», «Этика: Курс лекций» (укр. яз.), «Уязвимость любви», «Этика общения» (укр. яз.), «Право быть собой» (укр. яз.), «По сю сторону ясности» и др.

² См., например: *Агамбен Дж.* Что современно? Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2012. С. 45–61.

бытия. Мы легко говорим о духовной родине; не только о природных, но и о культурных, духовных ландшафтах, становящихся для человека родными и формирующими его этос, его нравственную предрасположенность. Вместе с тем понятие родины вообще более человекомерно, чем понятие нации. В отличие от последнего, оно не прячет человеческую личность в собственные недра, словно в шкаф, а, напротив, дает ей возможность ярче выявить свои неповторимые черты, свою свободу, свою творческую душу. Вместо унылой предопределенности «крови и почвы» отношение человека к родине отсылает скорее к категории *окликнутости*: нас окликают знакомые пейзажи, воспоминания детства, города, в которых мы впервые вдохнули пьянящий воздух свободы и любви. Эта окликнутость не висит на нас тяжелым грузом, а манит высь, открывает наш разум и волю. Родину человеку свойственно покидать, пускаясь в самостоятельное — на свой страх и риск! — житейское странствие, но не менее соответствует природе человеческой и то, что на родину возвращаются — тоже по своему свободному произволению, подытоживая тем самым свой жизненный опыт, свои нравственные искания: для всего, что есть человеческого в человеке, небо родины оставляет простор.

И «нация», и «родина» — слова, способные звучать громко. Однако, в отличие от «нации», «родина» имеет целый регистр камерного применения, соответствующий рассмотренному аспекту человекомерности данного понятия. Киевлянину в связи с этим невозможно не вспомнить Александра Вертинского: «Киев — родина нежная...» О потенциале тишины, ласковости, уюта, заключенном в идее родины, написано много проникновенных страниц. Достаточно неожиданно суждение А. Ф. Лосева, который при всей, в общем, бравурности развиваемого им понимания родины, тем не менее отмечает: «Только Родина дает внутренний уют, ибо все родное — уютно, и только уют есть преодоление судьбы и смерти»¹.

Представляется очевидным, что развитое патриотическое сознание призвано отображать человеко-творческий смысл представлений о родине во всей его целостности. Научное и публицистическое творчество Д. С. Лихачева не только предоставляет для этого конкретный материал и методологический инструментарий, но и, я бы сказал, задает некую общую тональность, чрезвычайно важную для сохранения *позитивной нравственной основы* патриотизма, находящейся в наши дни под угрозой. Особенно актуальной — *полемически* актуальной — представляется в этом отношении неизменно занимавшая Дмитрия Сергеевича тема *русского*². На широком фоне русских просторов, русской природы и культуры, архитектуры, иконописи и, разумеется, русского словесного творчества ученый ведет разговор о принципиальной значимости позитивных, светлых черт национального характера, прежде всего доброты. При этом речь вовсе не идет о каком-то приукрашивании. Речь о том, что для всех нас должно быть в нашей истории важно, о том, какими нам, сформированным всеми прошедшими веками, быть сегодня и что передать будущему³.

¹ Лосев А. Ф. Жизнь. Повести, рассказы, письма. СПб.: Комплект, 1993. С. 49.

² См.: Лихачев Д. С. Заметки о русском : сб. М. : Колибри : Азбука-Аттикус, 2014.

³ Ср. замысел сборника работ ученого: Лихачев Д. С. Прошлое — будущему : статьи и очерки. Л. : Наука, 1985.

И вот Лихачев говорит о доброте. По глубине и серьезности отношения к этому негромкому нравственному качеству я бы поставил Лихачева в один ряд с такими немногими современными ему мыслителями, как писатель В. С. Гроссман, философ Э. Левинас.

Но если Лихачев прав, если чувство подлинного патриотизма действительно направляет нас в сторону добра и света, то не должен ли настоящий патриот более всего ценить и беречь *невозмущенные*, не искаженные ненавистью состояния своей родины, позволяющие ей раскрыться в ее внутреннем самобытии? В полноте этого самобытия находилось ведь место и для монументального историзма, и для подвигов удалых, и для нежной застенчивости души, и для той «тишины умиротворенного самоуглубления», которой проникнуты произведения Андрея Рублева, «Повесть о Петре и Февронии Муромских»...⁴

Так логика размышлений о патриотизме выводит нас к точке пересечения с другой, не менее злободневной и вместе с тем извечной человеческой проблемой — проблемой мира. Тот, кто действительно любит свою родину, не может не желать ей блага, а условием всякого блага как осмысленного совершенствования бытия является мир. Не только бомбы и снаряды, но и сам дух войны разрушает совместную человеческую жизнь; он способен до неузнаваемости изуродовать облик нашей милой отчизны, нашего родного очага. Отсюда вывод: если ты и вправду патриот своей родины, если ты боишься ее потерять — прежде всего желай ей мира. Ведь мир — это не просто отсутствие военных действий; сам по себе он имеет позитивный ценностный смысл. Согласно В. В. Колесову, мир издревле есть «то, что мило, а мило прежде всего спокойствие, тишина, покой и согласие между людьми и племенами»⁵. Не случайно в древних текстах, как и в современном русском языке, мир-покой и мир-общность обозначаются одним и тем же словом. В намеченной здесь перспективе не будет, пожалуй, преувеличением рассматривать мир как организованное пространство совместного существования не только разных людей, но и различных человеческих родин. Поэтому патриотизм — это воля к миру.

Разумеется, бывают времена, когда родина и мир поставлены на грань уничтожения. Тогда война как сопротивление хаосу и злу, сколь это ни трагично, становится делом правым: в ее огневом кольце человек, нация, родина, мир сосредоточиваются, мужают, заново обретают себя. Последнее до сего дня подобное испытание в нашей истории — Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Нынешние события, думается, не таковы. Нынешняя злосчастная война именно деформирует, калечит, лишает идентичности родину и мир, какими мы их унаследовали. Любые потери на этой войне, с какой бы то ни было стороны, есть потери нами самих себя. В этом убеждает, в частности, внимательное чтение трудов академика Д. С. Лихачева.

⁴ См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М. : Наука, 1970. С. 93–96.

⁵ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 226.